

Предмет изображения в лирике, драме, эпосе

Судя по всему, создатели первых поэтик не считали этот критерий определяющим. Более того, Аристотель указывает, что писать можно об одном и том же («подражать в одном и том же одному и тому же» - 10, с. 45), но по-разному. И именно этим «по-разному» отличаются друг от друга литературные роды, - акцентирует Аристотель различие способов подражания одному и тому же, то есть действительности. Для античного мыслителя предмет изображения для всех трех родов один и тот же – действительность. И в общем это так: о любви или войне могут писать как поэт, так и драматург и романист. Но фокусируется их духовное зрение все же по-разному. Лирик будет делиться своими переживаниями по поводу какого-то военного события; эпический автор будет рисовать, описывать это событие; драматург покажет те стороны этого события, которые связаны с действием, с борьбой враждующих сторон. Каждый литературный род предполагает известную специализацию, и в единой действительности выделяются разные стороны, например, единственно интересные для лирика, но представляющиеся частным моментом для эпического писателя.

Предмет лирики – внутренний мир личности; настроение; душевное состояние; переживание; мысль, данная в форме непосредственного переживания.

Последний момент стоит уточнить. Предметом лирики может быть как эмоция, так и мысль. Но мысль является в лирическом стихотворении эмоционально окрашенной и представлена не как изолированная и самоценная, но как неотъемлемый компонент всего комплекса переживаний, составляющих содержание текста, в неразрывной связи с «музыкой», звучанием текста, его ритмикой и интонацией. В противном случае лирическое стихотворение превращается в философский или научный трактат в стихах.

Безусловно, все, что здесь обозначено как предмет лирики (внутренний мир личности, настроение, переживание и т.п.) может быть изображено и в эпическом или драматическом произведении – как один из моментов содержания. Заметьте: как один из моментов, не исчерпывающий содержания!

Внутренний мир личности лирика может воссоздавать как непосредственно, так и опосредованно, через детали внешнего мира. Но детали эти, играя служебную роль, используются поэтами крайне лаконично и осторожно: тщательно отобранными, отшлифованными, опозитизированными, – так, чтобы не заслонить собой, но прояснить незримые внутренние глубины, едва уловимые движения души.

В реальной жизни мы можем «прочитать» эмоциональное состояние окружающих благодаря внешним признакам – жестам, поступкам, действиям. О внутреннем состоянии нам изведуются не часто и не многие. Поэтому увидеть человека изнутри через его слово выпадает реже, чем понять его внутренний мир посредством внешних проявлений. В этом смысле эпос и драма ближе к реальности, чем лирика: лирическое самораскрытие помещается в них в широкий контекст внешнего мира, изображаемого не только в его небудничных сторонах, но и в обыденно-прозаических. Лирика же принципиально видит мир как «очей очарованье», даже если это очарование унылое или даже трагическое.

Так что же, предметом изображения в лирике является внутренний мир личности, а эпоса и драмы – как внутренний, так и внешний, представленный и в его поэтических и в его будничных проявлениях? Да, это один момент. Но есть и другой, не менее важный. Именно им определяется отграничение лирики от эпоса и драмы и последних друг от друга.

В лирике личность воспроизводится как «психологическое состояние», в эпосе и драме – как «действующее лицо» (6, с.44). В лирике важно не то, как действует вовне человек. Важно, как движется его мысль или чувство. В эпосе и драме именно внешнее движение, действие человека, направленное

вовне, взаимодействие с окружающими является определяющим. Конечно, и в лирическом тексте могут изображаться внешние перемещения или передвижения, и в эпосе-драме присутствует изображение внутренних движений человека, но доминанта все же разная.

Итак, в эпосе и драме человек изображается как «действующее лицо». Значит ли это, что по предмету изображения они идентичны? Может быть, не столь явная, как в случае с лирикой, но разница все же есть.

Предметом эпоса являются события в жизни народа и общества, характеры и обстоятельства. Предметом драмы – характеры в напряженном целенаправленном действии. Предмет эпоса – событие, предмет драмы – действие. Очевидно, чтобы понять разницу между предметом изображения в эпосе и драме, следует разобраться в том, чем отличается событие от действия.

Представьте себе дорогу, по которой движутся два человека. Первый – герой драмы, второй – эпоса. Первый не останавливается и, не глядя по сторонам, движется к заветной цели. Это знатная аристократка Диана, которая влюбилась в своего безродного секретаря Теодоро и при всей своей родовой спеси не может справиться со своей страстью и ищет способ примирить честь с любовью («Собака на сене» Лопе де Вега). Это Гамлет, который ищет восстановления справедливости («Мир расшатался, и скверней всего, что я рожден восстановить его» - «Гамлет» Шекспира). Это Лариса Огудалова, которая ищет любви в мире товарно-денежных отношений («Бесприданница» А.Н. Островского). Рядом с этим драматическим человеком могут двигаться другие – оттеняющие его по контрасту или смежности, но движущиеся в том же направлении и так же, как он не отвлекающиеся на посторонние избранному направлению предметы.

Второй (эпический персонаж) движется не прямолинейно, но, периодически переключаясь на нечто другое, а то и вовсе уходит с дороги в боковом направлении, или поворачивает назад, или останавливается. Это Евгений Онегин, ушедший от света и возвращающийся на круги своя; это

Тарас Бульба, возвращающийся за оброненной люлькой, чтоб не досталась врагу (жизнь Тараса и есть цепь постоянных возвращений к чему-то дорогому, что нельзя оставить); это Андрей Болконский, периодически меняющий цель жизни на прямо противоположную. А окружают этого человека люди, тоже движущиеся в самых разнообразных направлениях и весьма далеких от него и по траектории движения, и по жизненным установкам. Есть сюжетные линии Пьера Безухова, Наташи Ростовской, Элен, Сони, Кутузова, Наполеона, и каждая из них являет собой вполне самостоятельный кусочек жизни.

Как вы думаете, кто быстрее придет к цели – драматическая, движущаяся строго вперед личность, или эпическая, для которой сама цель – величина непостоянная, а движение не укладывается ни в какую четко очерченную схему? Конечно, не второй. Все время отвлекаясь, он в конце концов может и отказаться от прежней цели, как и от цели вообще. У Пушкина можно найти строки, которые являются своего рода формулой эпического существования: «Счастливей человек, для жизни ты живешь». Но и второй может не достичь цели: «Я любви искала и не нашла», – для Ларисы Огудаловой, как и для любой драматической личности, невозможность осуществления заветной цели несет гибельные последствия. Вся жизнь была подчинена одному, а это одно недостижимо. Не для чего больше жить. Быстрел Карандышева воспринимается как благодеяние.

Жизнь первого – линейное движение. Жизнь второго – объемное существование, вбирающее в себя и целенаправленное движение, но в целом не сводящееся к борьбе за достижение какой-то цели.

Событие – это действие в определенных обстоятельствах, действие, которое определяется внешними обстоятельствами, вне которых осуществиться не может. Обстоятельства, среда, окружение – та реальность, в которой живет герой эпического произведения и которая не менее значима для автора, чем устремления героя. Драматический персонаж обстоятельства игнорирует или воспринимает как то, что следует преодолеть. И автор

драматического произведения отводит изображению обстоятельств не много места, справедливо полагая, что описание обстановки само по себе не сценично, снижает остроту драматического действия. «Мир расшатался...» - восклицает Гамлет, но изображение «расшатавшегося мира» в шекспировской пьесе сведено к минимуму. Все внимание автора отдано действиям принца Датского. Лишь очень немногие драматурги позволяют себе смелость рисовать поступки и разговоры героев, не имеющие непосредственного отношения к главному действию. Таков А.Н. Островский, умудрившийся сделать Дикого едва ли не главным героем пьесы «Гроза», хотя Дикой с действительно главной героиней Катериной фактически не соприкасается и к ее трагедии прямого отношения не имеет. Но образами Дикого, как и Кулибина, Варвары, Кудряца, странницы Феклуши воссоздаются обстоятельства трагедии, без них трагедия сводилась бы к несложившимся отношениям невестки и свекрови, то есть утрачивала бы обобщающее значение пьесы о мире («темном царстве»), утратившем духовное содержание жизни и подменяющем идеал ритуалом, обрядом, пустой формой. Отдавая столько внимания второстепенным персонажам, не имеющим прямого отношения к основному действию, Островский осложняет драму эпическим элементом, придавая своей пьесе эпическую объемность. Островский изображает в «Грозе» не только единичные страдания и устремления личности (Катерина), но состояние общества («темное царство»), тем самым выходя за пределы типичного для драмы предмета изображения, значительно расширяя его. Драма «в чистом виде», как и лирика, ориентирована на изображение единичного, а не целого. Эпос же претендует на целостность, всеохватность бытия. Рисуя отдельную судьбу, эпический автор стремится воссоздать жизнь в целом. В «Мертвых душах» не приключения мелкого проходимца Чичикова только описывает Гоголь, а Россию с прозой и поэзией ее жизни, с ее мелким, скучным, пошлым и смешным бытом, но и с высокими идеальными устремлениями, телесной и духовной мощью русского человека. Потому дотошность, мелочность

описаний, которыми изобилуют «Мертвые души», множественность всевозможных отступлений от основного действия, неуместные в драме, вполне естественны в эпической поэме. У нее просто другой предмет – более широкий, не сводимый к целенаправленному движению единичного субъекта. Как и подобает эпическому автору, Гоголя интересует все в этой жизни: и бричка Чичикова, и колеса, и спицы на колесах, и два мужика спорящие, доедет ли бричка до Москвы и Казани. В сцене спорящих мужиков Гоголь, похоже, посмеивается над нетерпеливым читателем, жаждущим поскорее узнать, куда же и зачем едет Чичиков и чем закончится афера героя. Гоголь с его эпическим даром понимает, что самое главное кроется не в финальной точке, а в каждой точке движения. Неспешное обстоятельное вырисовывание подробностей и картин русской жизни, не имеющее непосредственного отношения к движению чичиковской брички и составляет главный интерес Гоголя как эпического автора. И деловая целеустремленность Чичикова, и его уникальная предприимчивость, и его удачи, просчеты, ошибки, и слова удачи – все это поглощается объемным изображением русской жизни в целом во всей ее полноте и многосторонности. Как точно заметил Жан-Поль, эпос «служит целому, и поскольку является здесь не жизненный путь, а мировой ход, то судьба героя тает во всеобщем» (15, с. 240).

Своеобразие предмета изображения в каждом из родов помогают понять те виды искусства, с которыми наиболее тесно связаны лирика эпос и драма.

Лирика (от греч. *lyra* – музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого исполнялись стихи, песни и т.п.) теснейшим образом связана с музыкой, с ее красотой, неопределенностью и повышенной семантической каждого элемента, когда значительны малейшие оттенки слова, интонации, ритмики, когда мелодика речи может убеждать не менее сильно, чем семантика слова.

Эпического писателя нередко называют художником слова. Эпос родственен живописи. Перед нами талантливый рассказчик, если то, что он рассказывает («рисует»), мы видим.

Драма неотрывна от пантомимы, театра. Как и эпический автор, драматург стремится, чтобы, читая пьесу, можно было увидеть и услышать его персонажей, но, по большому счету, полноценное воплощение замысел драматического автора получает только будучи поставленными на сцене. Гоголь в одном из своих писем назвал драму, не поставленную на сцене, «неоконченным произведением». А наш современник, драматург Н. Погодин называл пьесу «спящей красавицей»: лишь на сцене она «просыпается».

Некоторые взрослые, как дети, любят играть. Игровое поведение, в котором человек демонстрирует себя свои качества и проблемы, надуманные или действительные, как неотъемлемый компонент входит в предмет изображения драмы.